

она угадывается. И этим разгадывается многое. Маленький городок, затерянный среди огромных парков с колоннами, арками, дворцами, павильонами и лебедями на светлых озерах, городок, освященный памятью Пушкина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царскосельский круг идей. <...> В первом отделе собраны лиро-пейзажные стихотворения, очень „царскосельские“, хотя и приписанные иногда по капризу автора к другим местам. Во втором отделе — лиро-эпические стихи, веселое блуждание по векам и странам. <...> Третий отдел — „Итальянские впечатления“ — менее значителен, чем предыдущие, хотя, может быть, совершеннее в ритмическом отношении» (Гумилев Н.— С. 176–177). Но в общем сб. почти не был замечен критикой.

Др. книг К., к сожалению, не суждено было издать. Следующий год, 1914, оказался для него роковым. Война, разделившая мир пополам, прошла и через его сердце и душу... Д. Святополк-Мирский, упоминая о том, что К. «писал воспоминания о своих сумасшедших», свидетельствовал: «Из воспоминаний этих я запомнил одну фразу: „Несколько раз сходил с ума и каждый раз думал, что умер. Когда умру, вероятно, буду думать, что сошел с ума“. Он умер сумасшедшим. Начало войны нанесло такой удар его нервной системе, что она не вынесла, и все силы хаоса снова хлынули на него и затопили уже навсегда» (Святополк-Мирский Д.— С. 261–262). Случилось это в психиатрической лечебнице во время буйного припадка...

Через 2 года после смерти поэта в ж. «Аполлон» были опубликованы «**Посмертные стихотворения графа Василия Алексеевича Комаровского**» (1916. № 8. Окт.). Потом о К. в России вспоминали очень редко.

К. никогда не слыл звездой первой величины, но в эпоху блистательного Серебряного века его творчество оставило приметный след. «Комаровский не был гением,— писал критик Д. Святополк-Мирский,— и его „оригинальность“ не была из таких, которые будут со временем оценены и станут пищей общечеловеческой. Она была эксцентрична, необъяснима и для человечества не нужна. В творческом потоке развития он был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной иг-

ры...» (Святополк-Мирский Д.— С. 260). К., по словам Н. Пунина, «родился, чтобы сказать два-три слова, сделать жест, и ушел, унося с собою тайну своего духа и своей мысли...» (Аполлон. 1914. № 6–7. С. 86). Впрочем, представление об абсолютной обособленности К. от русской поэзии было несколько преувеличено критиками. Сам К. немало почерпнул у символистов и И. Анненского, а его творческие прозрения нашли отклик у акмеистов (А. Ахматова, О. Мандельштам).

Соч.: Стихи // Ежов И., Шамурин Е. Русская поэзия XX в. М., 1925.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 175–177; Святополк-Мирский Д. Памяти гр. В. А. Комаровского // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 260–263; Маковский С. На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962. С. 223–250; Голлербах Э. Город муз: Царское Село в поэзии. СПб., 1993. С. 145–147; Топоров В. Н. Две главы из истории русской поэзии начала века: 1 — В. А. Комаровский // Russian Literature. 1979. V. 7. № 3. May.

В. Н. Быстров

КОМИССАРОВА Мария Ивановна [22.7 (4.8).1904 (по анкете 1924 Союза поэтов (РО ИРЛИ) и др. данным — 1901 или 17(30).7.1900), с. Андреевское Костромской губ.— 28.7.1994, Петербург] — поэтесса.

Выросла в крестьянской семье из рода Осипа Комиссарова, помешавшего покуше-

М. И. Комиссарова

нию на императора Александра II. Окончив трудовую школу в г. Любиме, К. стала сельской учительницей и вскоре была направлена для продолжения образования в Костромской ун-т, затем перевелась в Петроград. Училась в Педагогическом ин-те им. А. И. Герцена (1922–29), входила в лит. объединение «Мастерская слова». В 1925 стала женой поэта Н. Брауна.

Начала печататься в 1923 («**Думы девичьи рдеют в закатах...**» // Красный студент. 1923. № 6). Первая книга стихов «**Первопуток**» (1928) вызвала одобрительное письмо Б. Пастернака (архив Н. Брауна). Критики нашли в книге элементы ученичества, «схему хлебниковско-тихоновского стиха», «по-пастернаковски изысканные созвучья» (Оксенов И. // Звезда. 1928. № 6; Поступальский И. // Новый мир. 1928. № 9. С. 255), влияние Н. Клюева. Но отмечали и свежесть чувств автора, плодотворное развитие им фольклорных традиций. Уже тогда обозначился главный образ К.: «малая родина» Кострома как олицетворение великой России. В следующей книге — «**Переправа**» (1932) стиль К. обрел социально-публицистическую направленность, но народно-поэтическое начало осталось определяющим. В годы Великой Отечественной войны (К. была эвакуирована в Пермскую обл. с маленьким сыном) на слова К. были созданы песни, вошедшие в репертуар ряда ансамблей («**Урал-богатырь**», «**Уральская партизанская**» и др.). Пережив семейную трагедию (вся многочисленная семья Комиссаровых к тому времени была репрессирована), в своей лирике поэтесса на первый план выдвинула героические черты национального характера. Поэма «**Лиза Чайкина**», законченная к 1955, встала в один ряд с такими произведениями, как «**Зоя**» М. Алигер и «**Сын**» П. Антокольского.

Тем не менее в 1946 после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» набор подготовленной книги стихов К. был рассыпан (в вину К. в постановлении вменялись «произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни»), а имя поэтессы долгие годы замалчивалось. Творческий успех в этот период сопутствовал ей в переводческой работе (с белорусского и украинского, прежде всего лирики Леси Украинки). В 1982 К. удостоена премии им. М. Рильского.

В послевоенные десятилетия голос К. обрел широкий диапазон: от мягкой задушевности до напряженного драматизма. Таковы ее книги «**Моя тропинка продолжается**» (1961), «**Дорога к друзьям**» (1968), «**Ожидание встречи**» (1973), «**Еще не**

вечер» (1981) и книга избранного «**Всем расстояниям вопреки**» (1979). В них обрисовался сквозной сюжет лирики К.: «потемки деревни» и чувство дочерней благодарности тебя породившим («**Детство**», 1934, написанные позднее «**Бабка**», «**Матери**»); женская лирика разлук и встреч («**Снегурочка, где ты?**»), затем материнское, монументальное годов войны («**Зароют в землю голос мой...**»), а после — и трагическое, вдовье (цикл, посвященный памяти Н. Брауна: «**Ты здесь, со мною рядом**»). Поэтический слог К. лишен внешней эффектности. Но когда возникают такие образы, как «метели звездные запели», «реки спят в обнимку с берегами», «молния латынью расписалась / На вечном небе вечным словом — Рим», ощущается выучка «петроградско-ленинградской школы» 1920-х. К. создавала патриотические произведения, не противоречащие официальной идеологии. Но К. отличалась гражданской стойкостью. В 1930-е выступила в защиту Б. Пастернака, в 1969 отказалась подписать под официальным письмом, требовавшим исключения А. Солженицына из писательских рядов, в конце жизни оказывала материальную помощь политическим репрессированным, с 1991 была почетной соратницей Российского Имперского союза-ордена. Поддерживала возрождение казачества, подписывала обращения за возвращение всех храмов верующим. Отпела К. в Князь-Владимирском соборе, похоронили на Комаровском кладбище рядом с Н. Брауном.

Соч.: Стихи. Л., 1967; Всем расстояниям вопреки: Стихотворения разных лет. Л., 1979; Избранное. Л., 1984.

Лит.: Пьяных М. Верхневолжье — источник вдохновения: Лит. портрет М. Комиссаровой // Твоя земля рассказывает. Кострома, 1960. С. 92–93; Азаров В. Дело жизни: Перечитывая стихи М. Комиссаровой // Нева. 1966. № 7. С. 182–184; Александр Прокофьев: Вспоминают друзья. М., 1977. Луговцов Н. Рассказы о моих современниках: Мария Комиссарова, Жур П. Мастер // Звезда. 1981. № 5; Филиппов Г. Срываю дни с календаря... // Звезда. 1984. № 8. С. 167–171.

Г. В. Филиппов

КОНДРАТОВ Александр Михайлович [3.9.1937, Куйбышев (ныне — Самара) — 1.4.1993, Петербург] — поэт, прозаик.

Потомок поволжского казака. По окончании средней школы приехал в Ленинград и поступил одновременно в среднюю специализированную школу МВД и на заочное от-